ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ ростовской старины.

(Продолженіе*).

Вечъ Вальяно свои дѣла широко обставлялъ пьесы роскошно, жалованье платилъ большое, не скряжничалъ. Для любителей театра привожу здѣсь въ копіи выписокъ изъ приходо-расходной книги ростовскаго театра. Велись книги марта мѣсяца 1873 г.

Вальяно Г. С., какъ актеръ—300 руб., Вальяно Г. Д., какъ декораторъ—125 р., Зубовичъ Д. И. какъ режиссеръ—75 р., Мельниковъ И. К., простакъ—125 р., Мельникова, ingen. dram. —200 р., Корнѣевъ Михайловскій, первица—250 р., Ермилова, танцовщица—65, Славина М. К., ingen. com. —125, Полонская Н. Л., первица-травести—350 р., Борисова Т. Б., колоратура, первица—250 р., Кочева, травести—125 р., Яновлевъ М. Ѳ., травикъ и герой—250 р., Востоковъ, комикъ-буффъ—175 р., Михайловъ М. И., 2-й водев. любов.—75 р., Аркадинъ, любовникъ—150 р., Бочкова, 2 и роли—40 р., Шумская А. П., 2 и роли—35 р., Ширяевъ, танцоръ и балетмейстеръ—150 р., Гоцманъ, танцоръ—65 р., Бондыревъ, танцоръ—45 руб., Павлова, комическая старуха—100 р., Семенова, драмат. старуха—75 руб., Фусесъ Н. П., роли служанокъ—60 р., Фусесъ, суфлеръ—85 руб., Азелеонъ, первица—175 р. Въ общемъ, мѣсячный расходъ равнялся 7.548 руб., доходъ—6.515 руб., такъ что получился недоборъ свыше 1.000 руб. И это въ хорошемъ по урожаю году, въ одномъ изъ лучшихъ мѣсяцевъ для театральныхъ сборовъ.

Лѣтомъ Вальяно переносилъ свои дѣятельность въ театръ городскаго сада. Въ то время въ Ростовѣ не существовало другихъ садовъ, садиковъ, кафе-шантановъ. Лѣтній сезонъ, въ матеріальномъ отношеніи, былъ иногда лучше зимняго, что объясняется тѣмъ, что и въ тѣ годы, въ эти мѣсяцы, у насъ бывалъ большой съѣздъ иногородней публики, особенно въ маѣ и октябрѣ, во время двухъ ярмарокъ, бывшихъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, утратившихъ свое значеніе, а тогда дѣлавшихъ милліонные обороты и привлекавшихъ громадное стеченіе купцовъ со всей Сибири, Кавказа... Хлѣбное дѣло, главная промышленность Ростова, тогда тоже находилось въ иныхъ условіяхъ. Желѣзныхъ дорогъ на Кавказъ, Харьковъ и Воронежъ еще не было, и хлѣбъ въ Ростовъ не подвозился, какъ теперь, круглый годъ вагонами, а попадалъ сюда съ верховьевъ Дона водою, начиная съ мая мѣсяца, цѣлыми караванами, а съ Кавказа—на фурахъ (чумаки). Караваны эти сопровождались штатами управляющихъ, приказчиковъ, которые за лѣто заканчивали дѣло (и растратили деньги, — подчасъ и ковейскія), на зиму вновь уѣзжали домой. Шли второй пріѣзжій людъ въ театръ, не интересуясь, что идетъ и кто играетъ. Развлеченій въ городѣ никакихъ не было, и вечеромъ вся масса трудящагося люда шла въ городской садъ, тамъ ѣли, отдыхали, совершали торговыя сдѣлки (въ ротондѣ), шли въ театръ, задавали пугеши, попойки. Нерѣдко случалось такъ, что въ 8½ часовъ вечера, когда оркестръ уже игралъ увертюру, въ кассѣ было 50 рублей, а въ 9¾ час., при подаятіи занавѣса, сборъ достигалъ 500 — 600 рублей. Въ теченіе часа разбирались всѣ билеты!

Не смотря на все это, Вальяно за 15 лѣтъ своей антрепризы потерялъ свое состояніе, убилъ лучшіе годы своей жизни. Я помню послѣдній спектакль на масленой, когда публика прощалась съ своимъ любимымъ антрепренеромъ: овиціямъ не было конца... многіе плакали. Изъ публики кричали: «не уѣзжайте», «простимъ», а Вальяно со сцены умавливалъ, что все-таки вести дѣло онъ не можетъ, а вести такъ, какъ онъ до сихъ поръ велъ, зданіе ростовскаго театра не позволяетъ, но что онъ надѣется еще вернуться въ Ростовъ. И онъ дѣйствительно вернулся, но при самыхъ печальныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ семьей онъ постоянно переѣхалъ въ Москву, гдѣ тогда начинавъ свое «дѣйство» маленькій русскій Барнумъ—Лентовскій, служившій когда-то статистомъ у Вальяно. Къ нему-то Вальяно опредѣлился въ качествѣ управляющаго. Но силы его были уже подорваны, и послѣдніе годы онъ провелъ чуть-ли не на хлѣбахъ у своихъ мнѣ...

Черезъ 10 лѣтъ Вальяно вернулся въ Ростовъ, игралъ въ бывшемъ Семейномъ саду, но былъ уже на столько старъ и немощенъ, что, исполняя роль, засыпалъ на сценѣ. Умеръ онъ бѣднякомъ. Жена его, М. К. Славина, и по сіе время служитъ драматической старухой на разныхъ сценахъ; дочь-красавица, но плохая актриса, недавно вышла замужъ за сына актрисы Ю. Л. Лавровой; одинъ сынъ служитъ въ Екатеринодарскомъ гарнизонѣ, другой—по флотѣ

За всю свою артистическую дѣятельность Вальяно не остался должнымъ ни одному сценическому труженику что теперь большая рѣдкость.

Отъ Вальяно прямо и переходъ къ любимцу Ростова, совитрепренеру и другу Дмитрію Ивановичу Зубовичу.

II.

Д. И. Зубовичъ.

Дмитрій Ивановичъ Зубовичъ пріѣхалъ въ Ростовъ, приблизительно, лѣтъ 35 тому назадъ, молодымъ водевильнымъ любовникомъ и пѣвцомъ. Теперь водевиль утратилъ свое значеніе, его замѣнили дивертисментъ, оперетка, легкая комедія, но 25—30 лѣтъ назадъ, когда репертуаръ состоялъ изъ мелодрамъ, въ родѣ «Дугласа Черваго», «Розоваго Пажа» или «Клары д'Обервиль», когда лучшимъ драматургомъ считался посѣбный Дьяченко, съ его водевильными комедіями, въ родѣ «Свѣтскихъ Шкиръ»*, и драмами, въ родѣ преславутой «Жертва за жертву»; когда Шекспира ставили только въ бенефисы и Островскій только-что начинаетъ пѣниться въ провинціи,—въ то время водевиль занималъ видное мѣсто въ текущемъ репертуарѣ и на одинъ спектакль безъ него не обходился: водевиль ставился въ началѣ, для съѣзда, и въ концѣ для развѣзда. Подчасъ-же весь спектакль состоялъ изъ 3—4 водевилей, и водевильный любовникъ, да еще съ голосомъ, водевильный простакъ и комикъ, а также комическая старуха и любовница-травести съ пѣніемъ составляли основу военнаго театра. Да и то сказать: надо знать старый чисто-русскій водевиль, въ сравненіи съ нынѣшними его подѣлками. Въ прежнихъ водевиляхъ Каратыгина, Леонидова, Кони, Вашнеева, Бегичева, въ этихъ «Андрей Степановичъ Бука», «Бѣдовая бабушка», Мотя», «Старый математикъ» или ожиданіе кометы въ уѣздномъ городѣ» и др.—юморъ, остроты, шутки бенефицировали смѣющую публику, вызывая здоровый, полезный смѣхъ. Не таковы современные водевили и комедіи современнаго репертуара—гг. Залуцкаго, Уколова, Разсохина, Мансфельда, гдѣ, кромѣ пошлости, грязи, азіотажа, ничего не услышишь.

И вотъ, явился въ Ростовъ Зубовичъ, уже пользовавшійся извѣстностью въ Харьковѣ и Ставрополѣ. Явился онъ сюда молодымъ человѣкомъ, высокаго роста, плечистымъ, съ умнымъ складомъ лица, чистымъ выговоромъ и бархатнаго тембра баритономъ, и сразу очаровалъ публику. Молодость по происхожденію, умный, общительный, онъ въ первый сезонъ свелъ знакомство со всѣмъ городомъ. Много способствовало тому его гостепріимство, домовитость и красавица-жена, извѣстная также въ свое время танцовщица. Иногда слышны среди театраловъ разговоры о томъ, что тотъ или другой артистъ или артистка, прослуживъ безпрерывно 2—3 сезона, пріѣлись публикѣ. Я думаю, что истинные таланты не могутъ пріѣстьси, и примѣромъ этому служитъ Зубовичъ. Вѣдь, Ростовъ и теперь, не только 25 лѣтъ назадъ, когда населеніе едва достигало 35 тыс. человѣкъ, состоитъ изъ одной и той-же театральной публики, и я не разъ не слышалъ, чтобы Зубовичъ надоѣлъ кому-нибудь. Наоборотъ, всякому антрепренеру, уже послѣ Вальяно, ставилось въ непремѣнное условіе служенія въ труппѣ Зубовича. Много-ли вы теперь найдете такихъ актеровъ?

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ Ростовѣ, еще до антрепризы Вальяно, основательно устроившись, Зубовичъ имѣлъ несчастіе потерять жену, отъ которой у него осталось два сына. Три года онъ былъ антрепренеромъ ростовскаго театра совмѣстно съ Вальяно, но, видя бездоходность дѣла, оставилъ антрепризу и сталъ служить актеромъ и режиссеромъ. Тогда стали входить въ моду оперетка, и Зубовичъ въ душѣ не сочувствуя ей, сдѣлалъ все-таки, въ силу необходимости, одинъ изъ выдающихся ея исполнителей. Кто въ ростовцевъ помнитъ первую постановку оперетки «Рауль Синяя Борода» и появленіе Зубовича въ заглавной роли—тотъ, надѣюсь, согласится со мною, что, послѣ Зубовича, такой «Синей Бороды» не было и вряд-ли когда будетъ. Его рослая фигура, умѣніе носить костюмъ, гримироваться, его голосъ, талантъ увлекали публику. Въ оперетахъ бенефисы онъ никогда не ставилъ оперетку, а всегда или русскую, или переводную драму, комедію и, въ заключеніе, водевиль «Артистъ, хористъ, аферистъ»—коньекъ его. Въ день 25-лѣтія его служенія на ростовской сценѣ, въ данный ему бенефисъ, онъ повторилъ этотъ водевиль, имѣя уже 60 лѣтъ отъ роду. Я видѣлъ его и 25 лѣтъ назадъ, и въ день празднества. Разница была въ тучности фигуры, въ звучности голоса, но игра, живость, костюмы, переодѣванье,—все это ни на іоту не измѣнилось. По окончаніи водевиля и пошелъ на сцену поздравлять бенефицианта. Здѣсь только и замѣтилъ, что годы берутъ свое: потъ, смѣшавшись съ краской, лился по его лицу, морщины выдѣлялись сквозь румяны, бѣлокурый парикъ сползъ на бокъ, артистъ сильно и порывисто дышалъ. «Будь конь, та мабуть незідуши»,—сказалъ онъ мнѣ по-малорусски, и грустная улыбка появлялась на его умномъ старческомъ лицѣ

Какъ хорошъ онъ былъ въ малорусскихъ водевиляхъ! Тогда еще не было Кропивницкаго, Старицкаго

Чтобы поставить оперетку Котляревскаго или Дмитренко, нужно было подготовить ихъ труппу актрисъ, актеровъ, хотя и знавшихъ малорусскій языкъ, но, на отсутствіемъ практики, смѣшавшихъ его съ русскимъ,—что всегда рѣжетъ ухо. Но два-три мѣсяца Зубовичъ безустанно работалъ, чтобы поставить какой-нибудь водевиль, вродѣ «Кумъ мироновникъ», но за то какое торжество было въ городѣ, когда шли на сцену «Запорожцы», и что это только отчасти.

18 лѣтъ назадъ Зубовича вновь постигло несчастіе: умеръ 22-лѣтній сынъ его, Леонидъ, по таланту обѣщавшій быть вторымъ Зубовичемъ. Смерть эта,—внезапная, трагическая,—вастигла бѣдного отца въ самую пору расцвѣта его таланта, когда безъ него не проходилъ ни одинъ спектакль, ни одна пьеса. Зубовичъ осунулся и сталъ недомогать, оглохъ на правое ухо и потерялъ возможность играть часто новыя роли. Позже притупилось у него и зрѣніе,—и послѣдніе пять лѣтъ служенія на сценѣ онъ подписывалъ даже съ антрепренеромъ контракты, съ оговоркой—не играть новыхъ ролей.

Какъ человѣкъ, Зубовичъ былъ лучшею общества: хорошій товарищъ, веселый собесѣдникъ. Въ немъ не было ничего бьющаго на эффектъ. Никогда никто не видѣлъ его пьянымъ. Пусть господа артисты вмѣняютъ мнѣ: уже потому, что я пишу свои воспоминанія, они могутъ повѣрить, что я сиинатиарую сценѣ, вообще, а труженикамъ сцены въ особенности; но именно поэтому я не могу не высказать здѣсь нѣсколько словъ укоръ, если не всѣмъ причастнымъ къ сценѣ, то большей половинѣ изъ нихъ, будь то женщины или мужчины: я думаю, что то пренебреженіе къ имъ среди, какое наблюдается среди нѣкоторой части публики, не безосновательно. Артисты, большею частью, сами считаютъ на правило и въ ней сцены, т. е. внѣ сферы ихъ дѣятельности, выдѣляться изъ общей среды: или брюки у нихъ необыкновеннаго цвѣта, пальто необыкновенной длины, или тюрюкъ величиною съ сахарную бочку, а шляпа—съ копну сѣна. Но это еще куда не шло. А вотъ, напитки послѣ спектакля, а то и въ антрактахъ, до положенія ризъ, насвакдаваить, набрать въ долгъ безъ отдачи, — это еще недавно было затрудняемъ явленіемъ въ кругу лицедѣевъ сцены. И правостность стояла нерѣдко среди артистовъ. Одно утѣшительно, что въ годъ въ годъ на сцену проникаютъ все болѣе и болѣе люди образованные, и нужно надѣяться, что въ близкомъ будущемъ и жрецы, и жрицы искусства сольются съ остальнымъ обществомъ въ одно цѣлое.

Когда еще знаетъ не «знаменитыхъ всѣхъ и ея, общей игрой былъ преферансъ. На углу Николаевскаго переулка и Садовой улицы, противъ театра, гдѣ нынѣ домъ, кажется, Иблисова, стоялъ [illegible]-этажный домъ, гдѣ помѣщалась гостиница «Золотой Якорь», въ которой постоянно пребывали артисты (послѣ это все это перенесено въ гостиницу «Красное Село», по Садовой улицѣ, въ домѣ Богуславскаго). Въ гостиницѣ этой былъ [illegible]шій бильярдъ и отдѣльный залъ, [illegible] актеры проводили свободное время. Часто тамъ составлялась по вечерамъ (особенно по субботамъ) пулечка по [illegible] копѣйкамъ, при непремѣнномъ участіи Зубовича. Онъ прекрасно игралъ на бильярдѣ.

И охотникъ ружейнаго въ то время лучше Зубовича не было. Тамъ, на охотѣ, онъ отдыхалъ: среди камышей, прикрывъ въ тѣни, онъ обдумывалъ завтрашній спектакль. Любилъ онъ охоту страстно: чтобы удовлетворить свою страсть, онъ совершалъ поѣздки на Кубань (тогда еще желѣзной дороги не было, и съѣздить на Кубань, было не такъ легко)—охотиться на кабановъ. Объ охотѣ и наймищахъ на каменномъ мостомъ, на армянскомъ монастырѣ и говорить нечего: не было мѣстечка въ окрестностяхъ Ростова, которое-бы Зубовичъ не изучилъ. Покойный сынъ его, Леонидъ, не отставалъ отъ отца, и я помню время, когда за столомъ у Зубовича другого мяса, кромѣ дичины, не было.

Одна еще слабость подмѣчалъ за Зубовичемъ: это его страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ и торговля ими. Лучшій бриллантъ, чистѣйшей воды, всегда можно было купить у Дмитрія Ивановича. Рубины, изумруды,—все лучшее перебывало въ его рукахъ. Покупалъ онъ эти вещи случайно, но только хорошія, до 1000 рублей за камень, и годами берегъ ихъ, пока наскакивалъ на такого-же знатока-любителя, которому онъ ихъ и сбывалъ.

Въ послѣдній годъ передъ смертью Зубовичъ сильно подался: застарѣлый ревматизмъ, нажитый имъ во время охоты по окрестнымъ болотамъ, давалъ о себѣ знать, и этотъ геркулесъ оказался молодушнымъ, чтобы донить остатокъ дней въ болѣзненномъ состояніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б. Климовъ.

*) См. № 112 «Прим. Края».